

**ГЕРОИ ВОСПИТАННЫЕ
И НЕВОСПИТАННЫЕ**

СПАРТАНСКИЕ ЦАРИ И ΑΓΩΓΗ

И.Е. СУРИКОВ

Ключевой факт, известный из источников о воспитании спартанских царей, заключается в следующем. Все спартиаты начиная с семилетнего возраста подлежали знаменитой *ἀγωγή*, как назывался длительный курс обучения (прежде всего военного, но также и общегражданского), отличавшийся крайней суровостью условий, которые создавались для обучаемых. Однако для престолонаследников делалось исключение: они вместо *ἀγωγή* получали некое особое, чисто царское образование. О том, какой характер оно имело, прямых данных нет. В то же время нередко на обоих спартанских престолах оказывались лица, изначально наследниками не являвшиеся и, соответственно, проходившие через *ἀγωγή*. Предпринимаемое в статье сравнение личностей и деятельности царей двух типов позволяет в осторожной форме сделать вывод, что цари, освобожденные от *ἀγωγή*, в целом отличались следующими качествами: более нетрадиционным и креативным, чем у остальных, мышлением, более широкой эрудицией, лучше развитой речью, большей деликатностью в манерах, в общении с окружающими. Они, как правило, предстают перед нами более яркими личностями, во всяком случае, более интеллектуальными.

«...Цари лакедемонян почитаются не как люди, а как герои (οὐχ ὡς ἀνθρώπους ἀλλ' ὡς ἥρωας τοὺς Λακεδαιμονίων βασιλεῖς προτετιμῆκασι)» (Хен. *Lac. pol.* 15. 9)¹. Эта знаменательная формулировка звучит финальной нотой в «Лакедемонской политике» Ксено-

---

¹ «Лакедемонская политика» Ксенофонта цитируется в переводе М.Э. Курилова.

фонта — глубокого знатока спартанских реалий. Чтобы в полной мере оценить ее, следует учитывать, что речь идет не о нашем современном понятии «герой» (человек, совершивший подвиг), а о древнегреческом понятии, звучащем, казалось бы, так же, а на деле во многом ином по значению: как можно видеть в процитированном пассаже, герой даже эксплицитно противопоставляется человеку².

Цари в Спарте являлись объектом статусной героизации³ и в данном качестве резко отличались от всех остальных граждан своего полиса. Эти граждане, как известно, составляли общину «равных», гомеев (ὄμοιοι)⁴, все стороны их жизни подвергались максимальной унификации (в отличие от Афин, где равенство понималось только как равенство в политических правах⁵). И единственными из спартиатов, на которых не распространялись нормы всеобщего равенства, были именно цари. В некотором смысле они могут считаться даже как бы «чуждым», неорганичным элементом в сформировавшемся полисе, законсервированным «осколком прошлого»⁶. При рассмотрении свидетельств источников о положении спартанских царей (главные из них: Herod. V. 56–58; Xen. Lac. pol. 13; 15) порой создается впечатление, что их «неравенство» согражданам, привилегированность нарочито утрировались. Так, на знаменитых совместных трапезах (сисситиях) цари (они и, естественно, только они) получали двойную порцию.

Ни в чем, однако, так ярко не виден сакральный статус этих лиц, как в ритуалах, связанных с их погребением. В целом спартанцы очень рано (по преданию, еще при Ликурге) до предела упростили погребальный обряд, сделав его одинаково скромным для всех граждан (Plut. Lycurg. 27). Однако опять-таки для царей и в этой

² Об античных героях как объекте культа см.: Currie (2010); Jones (2010). В последней работе акцент делается именно на героизации реальных исторических лиц.

³ Об этом типе сакрализации правителя см.: Суриков (2005а). С. 17–19.

⁴ Отечественный исследователь Спарты А.В. Зайков в свое время даже предложил переводить ὄμοιοι в спартанских контекстах как «одинаковые» (Зайков [2000]), и это, как нам представляется, довольно остроумно.

⁵ О принципиальных различиях между афинской и спартанской идеями равенства см.: Суриков (2019).

⁶ Ср.: Georges (1994). P. 152–157.

сфере делалось демонстративное исключение. Их уход из жизни сопровождался необычайно пышными церемониями — пышными по меркам любого греческого полиса, а не только суровой Спарты. Они куда больше напоминают похороны восточных монархов⁷. Подчеркнем также, что сакрализация архагетов⁸ была именно исключительно статусной: ей подлежал любой носитель царского титула независимо от своих личных качеств.

Что касается воспитания спартанских царей, ключевой факт, известный о нем из источников, заключается в следующем. Все спартиаты с семилетнего возраста подлежали знаменитой ἀγωγή, как назывался длительный курс обучения (прежде всего военного, но также и общегражданского), отличавшийся крайней суровостью условий, которые создавались для обучаемых⁹. И в данном отношении тоже исключение делалось только для будущих царей. Об этом прямо пишет Плутарх в биографии царя Агесилая II Великого: «Детей же, которых ожидает царская власть, закон освобождает от подобных обязанностей (ταύτης ἀφίησιν ὁ νόμος τῆς ἀνάγκης τοὺς ἐπὶ βασιλείᾳ τρεφομένους παῖδας)» (Plut. *Agesil.* 1)¹⁰.

Правда, иногда считается, что данному свидетельству Плутарха противоречит другое, принадлежащее более раннему автору — философу-кинику Телету Мегарскому, жившему в III в. до н.э.¹¹ В диатрибе «Об изгнании» Телет говорит: «Спартанцы... человека, причастного к обучению и прошедшего его, будь он чужеземец или илот, почитают наравне с лучшими, а не прошедшего, пусть он будет даже из царского рода, причисляют к илотам и не допускают к управлению государством (Λακεδαιμόνιοι... τὸν μὲν μετασχόντα τῆς

---

⁷ Hall (1991). P. 44.

⁸ Именно так (а не бацилеями) именовались цари в самой Спарте, если судить по ее главному «конституционному закону» — приписывавшейся полубогатому Ликургу Великой ретре, как ее донес до нас Плутарх. Об этом важнейшем документе см.: Jones (1967); Lipka (2002); Nafissi (2010). Мнения касательно его аутентичности весьма разнообразны, но наиболее близкой к истине представляется точка зрения, согласно которой ретра — подлинный памятник VII в. до н.э.: Shipley (2004). P. 591. Об этом говорит ее глубоко архаичный язык.

⁹ Наиболее фундаментальный труд об ἀγωγή — Kennell (1995).

¹⁰ «Агесилай» Плутарха цитируется в переводе К.П. Лампсакова.

¹¹ О Телете см.: Нахов (1982). С. 196.

ἀγωγῆς καὶ ἐμμείναντα, κἂν ξένος κἂν ἐξ εἴλωτος, ὁμοίως τοῖς ἀρίστοις τιμῶσι· τὸν δὲ μὴ ἐμμείναντα, κἂν ἐξ αὐτοῦ τοῦ βασιλέως, εἰς τοὺς εἴλωτας ἀποστέλλουσι, καὶ τῆς πολιτείας ὁ τοιοῦτος οὐ μετέχει» (Teles *De exil.* p. 28 Hense)¹².

На первый взгляд, противоречие действительно налицо, и те, кто признает его наличие, пытаются решить, кто в большей степени заслуживает доверия — Телет или Плутарх. Последний, хотя и жил уже в эпоху Римской империи, имеет заслуженную репутацию чрезвычайно ответственного писателя, скрупулезного исследователя своих источников¹³. Философ же, тем более принадлежащий к кинической школе, представители которой в принципе были склонны к разным гиперболизациям, мог — вящего эффекта ради — и отступить от истины. Однако в недавней статье Л. Мэдсона¹⁴ с предельной убедительностью продемонстрировано, что два свидетельства можно согласовать друг с другом: от ἀγωγή освобождались не все члены царских домов, а только престолонаследники. Агесилай II таковым не являлся (он занял престол в результате династического кризиса, о чем подробнее будет говориться ниже), потому Плутарх и пишет о нем: «Так как власть царя по закону должна была перейти к Агиду (старшему брату Агесилая Агиду II. — *И. С.*), а Агесилаю предстояло жить как обыкновенному гражданину (ιδιώτης), он получил обычное спартанское воспитание (ἀγωγήν), очень строгое и полное трудов (σκληρὰν μὲν οὔσαν τῇ διαίτῃ καὶ πολύπονον), но зато причувшее юношей к повиновению» (Plut. *Agesil.* 1).

В любой момент престолонаследников, не подлежавших ἀγωγή, в Спарте в норме было двое (поскольку существовали две династии — Агиады и Еврипонтиды), но случались и отклонения от этого числа в ту или другую сторону. Поясним, по каким причинам они могли происходить. Если у старшего сына правящего царя еще при жизни последнего рождался собственный сын, он тоже оказывался престолонаследником (следующим, более дальним), и на него

¹² Диатриба Телета цитируется в переводе И.М. Нахова с нашими поправками, обусловленными тем, что Нахов, не будучи специалистом по истории образования в Античности, ошибочно понял здесь ἀγωγή как участие в походе.

¹³ Blois (2006). P. 439.

¹⁴ Madson (2025).

распространялось то же правило. Так случилось, например, в IV в. до н.э. в семье Клеомена II, царя из Агиадов. Его старшим сыном был Акротат, который, в свою очередь, имел сына Арея. Сам Клеомен II прожил очень долго (его царствование датируется 370–309 гг. до н.э. и является, видимо, рекордным по продолжительности в спартанской истории), он даже пережил Акротата, и, соответственно, на престоле его сменил внук (в литературе фигурирует как Арей I). Но для нас важно то, что на протяжении определенного хронологического отрезка в Спарте одновременно существовали два Агиада, не проходивших ἀγωγή¹⁵.

Далее, чем могло вызываться отклонение от нормы в противоположную сторону? Тем, что у царя не было сыновей, как, например, у Клеомена I (тоже из Агиадов), который имел только дочь Горго¹⁶. В таком случае ему наследовал ближайший по возрасту брат (в данном случае Леонид I, герой Фермопил). А брат этот в подростковом возрасте проходил ἀγωγή, поскольку тогда еще, естественно, никто не мог знать, что обстоятельства приведут к его вступлению на престол. Таким образом, в данной ситуации на протяжении определенного хронологического отрезка в Спарте не было ни одного Агиада, который не проходил бы ἀγωγή (за исключением самого царя Клеомена, который ее не проходил, но мы здесь говорим о наследниках).

Поскольку действительность постоянно нарушает выстроенные планы, царями в Спарте неоднократно становились те, кто к этому не предназначался. Соответственно, оба престола могли занимать два типа лиц: те, кто получил ἀγωγή (но такое как раз являлось нарушением установленного порядка), и те, кто получил, видимо, какое-то особое, чисто царское воспитание (о том, в чем оно заключалось, увы, сведений нет, но, во всяком случае, из цитировавшегося выше пассажа Плутарха следует, что оно не предполагало приучения к повиновению). Можно ли проследить различия между тем, как действовали, приняв царский сан, те и другие?

Во всяком случае, предпринять попытку такого анализа имеет смысл. В вышеупомянутой работе Л. Мэдсона удачно собран и систематизирован соответствующий фактологический материал, на который можно будет опереться. Правда, нужно сразу оговорить,

---

¹⁵ Madson (2025). P. 66.

¹⁶ Poralla (1913). S. 76.

что некоторые интерпретации этого исследователя выглядят небесспорными, а в одном месте он даже допускает серьезную ошибку; ее характер будет разъяснен нами ниже.

Данные, на основании которых можно делать ответственные выводы, появляются в нашем распоряжении применительно к тем царям, которые правили начиная с последней четверти VI в. до н.э. (более ранняя история спартанской диархии известна значительно хуже, в ней факты перемешиваются с легендами). Первые цари, о которых у нас значительно больше данных, чем обо всех предшествующих, — Агиад Клеомен I и Еврипонтид Демарат, соперничество которых стало хрестоматийным¹⁷. У второго из них никаких трудностей с престолонаследием не было, поскольку он являлся единственным сыном своего отца Аристона¹⁸, хотя тот был женат трижды (Herod. VI. 61–63, с интересными подробностями), и, таким образом, бесспорным престолонаследником, на которого ἀγωγή не распространялась.

Сложнее обстояли дела с Клеоменом, который родился в обстановке династического кризиса, вызванного проблемой в семейной жизни царя Анаксандрида: его первый брак (с собственной племянницей, имя которой источники не сообщают) долгое время был бездетным, и царю угрожала опасность остаться без наследника (Herod. V. 39)¹⁹. По настоянию эфоров и геронтов, заботившихся

---

¹⁷ Об этом соперничестве см.: Строгеецкий (1982).

¹⁸ Poralla (1913). S. 29.

¹⁹ Обратим внимание на знаменательное совпадение: в обоих спартанских домах одновременно возникают трудности с наследником, для обретения одного Анаксандриду приходится жениться во второй раз, а Аристону — даже в третий. В свое время, уже довольно давно (Суриков [2005б]. С. 220), мы привлекли внимание читателей к тому факту, что у спартанских мужчин, похоже, не все было в порядке с репродуктивной функцией. Проблемой, преследовавшей спартанский полис, была «олигантропия» (малолюдье), граждан в нем с каждым поколением становилось все меньше и меньше. Для Греции в целом была характерна как раз противоположная динамика, приходилось бороться с чрезмерным ростом населения (вспомним характерный совет Гесиода не иметь больше одного сына: Hes. *Opp.* 376–378), и все-таки этот рост происходил, порождая земельный голод и став одной из главных причин колонизационного движения (механизм связи между демографическими процессами раскрыт в:

о том, чтобы династия Агиадов не пресеклась, он, не разводясь с супругой (поскольку очень любил ее), женился вторично (Herod. V. 40), что представляет собой уникальный для Спарты и доэллинистической Греции в целом пример полигинии. Через некоторое время во втором браке Анаксандрида появился на свет Клеомен, но тут же и первая его жена объявила о своей беременности. Вскоре она родила Дориея, а затем Леонида и Клеомброта (Herod. V. 41).

Таким образом, Анаксандрид имел в совокупности четверых сыновей от двух жен. Клеомен был старшим из них, и ясно, что он не проходил ἀγωγή. Остальные трое, как считается, проходили²⁰, но относительно Дориея, старшего из них, у нас нет стопроцентной уверенности. Возможно, его тоже мыслили престолонаследником. Когда его мать была беременна им, возникли подозрения (ввиду ее предшествующей долгой бездетности), что она симулирует беременность, а затем предъявит чужого ребенка. Поэтому при ее родах присутствовали эфоры (Herod. V. 41)! Казалось бы, зачем им было так поступать и вообще какое им было дело до мальчика, если в нем не видели потенциального царя?

Да и сам Дорией видел в себе такового и после смерти Анаксандрида предъявил претензии на престол (Herod. V. 42). В обоснование своих прав он ссылался на следующие обстоятельства: он был рожден в браке, который воспринимался как более легитимный из двух, являлся Гераклидом (обе спартанские династии возводили свою родословную к Гераклу), в отличие от Клеомена, и по отцу, и

Malkin, Blok [2024]. P. 151–162). Интересно, что у спартанцев в ходу были некоторые довольно странные брачные практики с элементами полиандрии, имевшие целью оплодотворение одной женщины несколькими мужчинами (Plut. *Lycurg.* 15). Ю.В. Андреев признает их проявлениями тоталитарной евгеники (Андреев [1998]. С. 147), в чем у нас, признаться, есть сильные сомнения. Думаем, все гораздо проще: у спартанцев не рождались дети. Почему? Приходит в голову мысль, что в этом могли быть (по крайней мере, отчасти) виновны некоторые элементы той же ἀγωγή (подростки с их неокрепшими, формирующимися организмами круглые сутки, даже зимой, проводили под открытым небом, спали на холодной земле, а подстилка из тростника была слабой защитой, и половые органы застуживались). Но от этой мысли тут же приходится отказаться, поскольку, как видим, та же трудность возникала и у царей, которые ἀγωγή не подвергались.

²⁰ Так и у Мэдсона: Madson (2025). P. 66.

по матери, а кроме того, отличался физической крепостью и подобающей царю мужественной внешностью (Paus. III. 3. 10). Здоровье же Клеомена было скорее слабым, он, по суждению Геродота (скорее всего, преувеличенному, как демонстрирует дальнейшая вполне успешная деятельность царя²¹), даже «был несколько слабоумен, со склонностью к помешательству» (Herod. V. 42)²². Царем стал именно последний, но, как можно заключить из свидетельств и Геродота, и периегета Павсания, это произошло не автоматически – решение принимало спартанское народное собрание²³.

Дорией в обиде покинул Спарту, после чего занимался разными авантюрами и в конечном счете погиб на Сицилии (Herod. V. 46); нас он больше интересовать не будет. Из остальных же сыновей Анаксандрида двое — Клеомен I и Леонид I – занимали престол официально, а третий, Клеомброт, фактически став после гибели Леонида в 480 г. до н.э. регентом при его несовершеннолетнем сыне Плистархе. Из трех братьев Клеомен заведомо не прошел ἀγωγή, а Леонид и Клеомброт заведомо прошли. Оказало ли это какое-нибудь влияние на их стиль правления?

Клеомен I, царствовавший с конца 420-х гг. до н.э. до своей странной смерти²⁴ около 490 г. до н.э., оказался одной из самых ярких и колоритных личностей в истории Спарты. При этом он абсолютно ничем не напоминал типичного спартиата, а был скорее похож на выученика софистов (хотя никаких софистов в его эпоху в Греции и тем более в Спарте еще не было)²⁵. Клеомен отличался крайней беспринципностью при достижении своих политических целей. В частности, он никогда не пренебрегал фальсификациями в религиозной сфере. Ему ничего не стоило подделать изречение оракула, подкупить жрецов или принести ложную клятву (во всяком случае, именно такой его образ рисуют античные нарративные источники). Иными словами, он демонстративно пренебрегал общепринятыми условностями и традициями, столь сильными в спартанском полисе.

²¹ Griffiths (1989).

²² Геродот цитируется в переводе Г.А. Страгановского.

²³ Суриков (2005б). С. 240–241.

²⁴ О ней см.: Harvey (1979).

²⁵ Все подробности см. в нашем очерке о Клеомене I: Суриков (2005б). С. 211–269.

Совсем другое дело — Леонид I²⁶. На его счету лишь один исторический эпизод, но воистину великий: подвиг при Фермопилах. Согласно популярной легенде, Леонид тогда сознательно выбрал для себя смерть, поскольку ранее спартанцы получили от Дельфийского оракула прорицание, согласно которому в грядущей войне должен погибнуть либо их город, либо их царь (Herod. VII. 220). Это сказание воспроизводит старинный мотив необходимости самопожертвования царя ради спасения отечества, встречающийся уже в мифе о Кодре Афинском (Hellan. *FGrHist.* 4. F125). Тот же мотив звучит и в передаваемых античными авторами изречениях Леонида перед решающей схваткой (скорее сего, фиктивных, поскольку неясно, кто бы мог сделать их известными остальным грекам). Эти апофтегмы проникнуты духом обреченности, например: «Когда другой человек... удивился немногочисленности его воинов, Леонид сказал: “Чтобы умереть, хватит и этих”» (Plut. *Mor.* 225c); «Он приказал своим воинам завтракать, объявив, что обедать будут уже в Аиде» (Plut. *Mor.* 225d)²⁷.

Не можем, однако, не отметить, что при Фермопилах Леонид допустил серьезную тактическую ошибку. Позиция в проходе, в целом очень сильная для обороны, имела одно уязвимое место — шедшую над ним потайную горную тропу Анопее (Herod. VII. 216), по которой можно было обогнуть теснину. Леонид, прибыв со своими силами к Фермопилам, от местных жителей узнал о существовании тропы (Herod. VII. 175) и не озаботился тем, чтобы выставить достаточно надежную охрану на этом альтернативном пути. Правда, он выслал на самое высокое место тропы отряд фокидян (Herod. VII. 217), но, как показали дальнейшие события, задачу следовало поручить какой-то части спартиатов, перед которыми даже элитные персидские бойцы испытывали страх.

В результате, как известно, именно по Анопее прошла «гвардия бессмертных» во главе с Гидарном (Herod. VII. 215). Когда персам

---

²⁶ Относительно недавно появилось монографическое исследование о нем: Bradford (2011). Впрочем, по мере ознакомления с этой монографией становится ясно, что она посвящена не столько самому Леониду (о нем слишком мало источниковых данных, чтобы хватило на книгу), сколько в целом спартанским царям как военачальникам.

²⁷ Трактат Плутарха «Изречения спартанцев», из которого взяты эти свидетельства, цитируется в переводе М.Н. Ботвинника.

встретился фокидский отряд, Гидарн ожидал сопротивления, однако фокидяне в замешательстве разбежались (Herod. VII. 218). Итог известен: Фермопилы пали, Леонид погиб, а с ним — 300 спартанцев и 700 феспийцев, героизм которых заслуживает особой похвалы: им, в отличие от спартиатов, законы не запрещали отступать с поля боя, но они остались на верную смерть (хотя имели полную возможность уйти и выжить) единственно из солидарности (Herod. VII. 222).

Мы бы назвали Леонида, прошедшего курс ἀγωγή, скорее доблестным воином, чем искусным военачальником. А вот Клеомена, напротив, отличало несомненное полководческое мастерство. При этом целый ряд своих побед он одержал благодаря умело задуманным и воплощенным в жизнь стратегемам. Так, битву при Сепее против аргосцев²⁸ он выиграл, применив следующую военную хитрость: аргосцы «стали действовать вот как. Когда спартанский глашатай что-нибудь объявлял лакедемонянам, то и глашатай аргосцев повторял его слова. Клеомен заметил, что аргосцы делают все, что объявляет его глашатай, и приказал воинам по знаку глашатая к завтраку взяться за оружие и идти в атаку на аргосцев. Так лакедемоняне и поступили. Когда аргосцы по знаку глашатая приступили к завтраку, лакедемоняне напали на них и многих перебили...» (Herod. VI. 77–78). Далее, изгнать в 510 г. до н.э. афинских тиранов Писистратидов, которые, казалось бы, занимали предельно прочную позицию на неприступном Акрополе, в избытке обладая всеми необходимыми припасами, Клеомен I смог благодаря тому, что захватил в плен их детей и смог поэтому диктовать свои условия (Herod. V. 65).

²⁸ В качестве датировки этого сражения в литературе обычно указывается 494 г. до н. э., например: Forrest (1966). P. 239; Clauss (1983). S. 32; Varellо (1996). P. 19; Robinson (1997). P. 84. Нам, однако, представляется гораздо более близким к истине более раннее время: ок. 519 г. до н.э., как в: Lenschau (1938); Строгоцкий (1979). Нашу аргументацию см. в: Суриков (2005б). С. 245–247. Самый весомый довод заключается в следующем. Сообщается, что в спартанской экспедиции против Аргоса, в ходе которой состоялось сражение при Сепее, участвовал не только Клеомен, но и второй царь, Демарат (Plut. *Mor.* 245de; Polyae. *Strat.* VIII. 33). Между тем известно, что в 506 г. до н.э. в Спарте был принят закон, запрещавший обоим царям одновременно выступать в поход (Herod. V. 75). Уже это исключает датировку битвы первым десятилетием V в. до н.э.

Леонид же оказался в гораздо большей степени традиционалистом и, пожалуй, даже рутинером. В сущности, то же самое можно сказать о его младшем брате Клеомброте, судя по тем действиям, которые тот предпринимал, когда после гибели Леонида стал регентом. Время тогда было крайне тяжелое и опасное для всех греков: Ксеркс, пройдя Фермопилы, беспрепятственно двигался по Греции, и немного отделяло его от того, чтобы оккупировать всю страну. Что же противопоставил ему Клеомброт как главнокомандующий вооруженными силами Эллинского союза²⁹? Предоставим слово Геродоту: «...из всех городов (Пелопоннеса. — *И. С.*) собрались воины и заняли Истм. Предводителем их был Клеомброт, сын Анаксандрида, брат Леонида. Они разбили свой стан на Истме... а затем решили на военном совете построить стену поперек Истма. А так как войско состояло из многих десятков тысяч воинов и каждый усердно работал, то дело быстро подвигалось вперед» (Herod. VIII. 71). «После того как Клеомброт отвел домой войско, строившее стену на Истме, он вскоре скончался» (Herod. IX. 10).

Таким образом, за все свое краткое регентство Клеомброт предпринял только одну акцию — постройку оборонительной стены на Истме Коринфском (точнее, завершена она была уже после его смерти, в 479 г. до н.э.). Скажем честно: для тех «многих десятков тысяч воинов», которыми он располагал, можно было найти и лучшее применение. Невелика была польза от стены при наличии у персов флота, который позволил бы им высадить любые силы в удобном для них месте Пелопоннеса. Судьба войны решалась в тот момент не на Истме, а на море, где в гавани аттического Фалера стоял тот самый персидский флот, и неподалеку, в гавани Саламина, — греческий. И приходится констатировать, что на командо-

---

²⁹ Об Эллинском союзе, созданном в 481 г. до н.э. под спартанской гегемонией для отражения ожидавшейся персидской агрессии, см.: Kienast (2003). Командовали войсками союза оба спартанских царя. Таким образом, вначале это были Леонид I и Леотихид II из Еврипонтидов (о котором еще будет говориться ниже). Затем, после Фермопил, Леонида сменил Клеомброт как регент. Реально командование на этом хронологическом отрезке явно принадлежало именно ему: о Леотихиде на всем протяжении 480 г. до н.э. мы ничего не знаем из источников (в следующем году он возглавлял союзный флот: Herod. VIII. 131).

вание последнего (особенно на глав эскадр пелопоннесских полисов) фортификационные работы, предпринимаемые Клеомбротом, оказывали только чрезвычайно деморализующее воздействие (Herod. VIII. 74). План регента был понят в том смысле, что новым оборонительным рубежом решено сделать Иstm; а это означало, что и морские силы должны отходить туда же и сосредоточиться на обороне Пелопоннеса. Всем известно, какие сверхчеловеческие усилия приложил Фемистокл для того, чтобы это не произошло, чтобы флот остался на Саламине, принял там сражение (подчеркнем, в выгодных для него условиях теснины, которых не было бы у пелопоннесских берегов) и одержал в нем победу. Получается, именно против этой победы работал Клеомброт — не по злому умыслу, естественно, а по узости стратегического мышления.

После его смерти его сын Павсаний стал новым регентом при Плистархе. Павсаний, победитель при Платеях³⁰, представляет собой весьма видную фигуру в спартанской, да и в целом греческой истории V в. до н.э., но нас здесь будет интересовать только один связанный с ним аспект — тот самый, который лежит в рамках проблематики данной статьи.

Павсаний, как и Клеомброт, в цари никогда не предназначался, и поэтому не приходится сомневаться в том, что он подлежал *ἀγωγή*³¹. В связи с этим что можно сказать о нем как о полководце и государственном деятеле? Если отвлечься от той огромной славы, которая окружила его после Платейской битвы 479 г. до н.э. (просто потому, что именно эта битва привела к потере Персией ее владений в Европе) и способствовала тому, что он чрезмерно возгордился, — ничего, строго говоря, не выдает в нем человека действительно креативного, выдающегося мастера военного дела. Битвой он, по большому счету, не управлял; протекала она довольно беспорядочно (командующий уповал больше на помощь богов, Herod. IX. 61) и долгое время с переменным успехом, но бóльшая боеспособность и защищенность греческих гоплитов по сравнению с легковооруженными персидскими воинами постепенно сыграла свою роль (Herod. IX. 63); исход сражения решила гибель персидского вождя Мардония (Herod. IX. 62; Plut. *Aristid.* 19), после которой значитель-

---

³⁰ Nafissi (2004).

³¹ Madson (2025). P. 66.

ная часть персов была истреблена (Herod. IX. 70), а остальные обратились в бегство (Herod. IX. 66).

В следующем году, командуя союзным флотом, Павсаний совершенно скомпрометировал себя (а вместе с собой и свое государство) в глазах союзников-греков полным отсутствием какой-либо гибкости. Приведем соответствующие свидетельства источников. «Уже давно, однако, властные повадки Павсания стали раздражать прочих эллинов (ἤδη δὲ βιάιου ὄντος αὐτοῦ οἱ τε ἄλλοι Ἕλληνες ἤχθοντο)... Поэтому союзники обратились к афинянам как к своим единоплеменникам с просьбой принять на себя главное командование и не допускать больше самоуправства Павсания (Παυσανία μὴ ἐπιτρέλειν, ἣν ποῦ βιάζεται)... Приезжавшие в Спарту эллины не раз жаловались на его злоупотребление властью (ἀδικία), подобавшее скорее тирану, нежели полководцу (τυραννίδος μᾶλλον ἐφαίνετο μίμησις ἢ στρατηγία)» (Thuc. I. 95. 1–3)³². «Что же касается отпадения ионян от союза с лакедемонянами, то их побудил к этому Аристид, улучив момент, когда лаконцы навлекли на себя ненависть из-за Павсания (τοὺς Λάκωνας διαβεβλημένους διὰ Παυσανίαν)» (Arist. *Ath. pol.* 23. 4)³³. «Распушенность (intemperantia) Павсания и добросовестность Аристида привели к тому, что почти все греческие государства вступили в союз с афинянами и выбрали их своими предводителями против варваров» (Her. *Aristid.* 2)³⁴. «Поскольку он (Павсаний. — И. С.) подражал персидской роскоши и относился к подчиненным как тиран (τυραννικῶς προσφερομένου τοῖς ὑποταγμένοις), все страдали от этого, а особенно те из эллинов, которые были назначены на какую-нибудь командную должность... В эллинском войске люди стали вступать в разговоры, сходясь в группы по племенам и городам и жалуясь на гнет Павсания (τοῦ Παυσανίου τῆς βαρύτητος)... Не только он сам вследствие собственного порока (διὰ τὴν ἰδίαν κακίαν) понес достойное наказание, но и для граждан своих стал виновником потери господства на море» (Diod. XI. 44. 5–6; XI. 46. 4)³⁵.

---

³² Фукидид цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

³³ «Афинская полития» Аристотеля цитируется в переводе С.И. Радцига.

³⁴ Корнелий Непот цитируется в переводе Н.Н. Трухиной.

³⁵ Диодор Сицилийский цитируется в переводе В.М. Строецкого.

Наиболее информативны свидетельства Плутарха, особенно то из них, которое содержится в жизнеописании Аристиды; если остальные авторы ограничиваются общими фразами о высокомерии и бесчинствах Павсания, не конкретизируя, в чем именно они выражались, херонейский биограф приводит детали. «С начальниками союзников Павсаний разговаривал всегда сурово и сердито (ἀεὶ μετ' ὀργῆς ἐνετύγχανε καὶ τραχέως), а простых воинов наказывал палками или заставлял стоять целый день с железным якорем на плечах. Никому не разрешалось раньше спартанцев набрать соломы на подстилку, принести сена коням или подойти к источнику и зачерпнуть воды — ослушников слуги гнали прочь плетью. Когда однажды Аристид с упреком заговорил об этом с Павсанием и хотел его усостыжить, тот, нахмурившись, сказал, что ему недосуг, и не пожелал выслушать» (Plut. *Aristid.* 23)³⁶.

В биографии Кимона Плутарх более краток: Павсаний «...с союзниками же обращался сурово и надменно (τραχέως καὶ αὐθαδῶς), держа себя крайне нагло, в опьянении властью и безумной гордостью (πολλὰ δὲ ἐξουσίαν καὶ ὄγκον ἀνόητον ὑβρίζοντος)... К Кимону и Аристиду примкнула большая часть союзников, не будучи в состоянии долее переносить тяжелый нрав и высокомерие (τὴν χαλεπότητα καὶ ὑπεροψίαν) Павсания» (Plut. *Cim.* 6)³⁷. Подчеркнем: все авторы, описывающие поведение Павсания на посту наварха в 478 г. до н.э., настолько единодушны, что перед нами вырисовывается яркая картина этакого «невоспитанного героя», который ненужной грубостью принес вред Спарте. После только что разобранных событий Павсаний, кстати, еще и захватил власть в Византии, фактически стал в ней тираном. В этом он отнюдь не создавал какой-то новой модели, а ориентировался на давно существовавшую. Имеем в виду модель архаической («старшей») тирании в греческом мире³⁸.

Выше упоминался царь Плистарх (сын Леонида), при котором были регентами Клеомброт и Павсаний. Скажем несколько слов и о самом Плистархе; его неяркое правление, по большей части номинальное, пришлось на 480–458 гг. до н.э. Первая из этих двух дат

³⁶ «Аристид» Плутарха цитируется в переводе С.П. Маркиша.

³⁷ «Кимон» Плутарха цитируется в переводе В.В. Петуховой.

³⁸ Berve (1967). S. 179–181, где Павсаний причислен к «наследникам ранних тиранов».

устанавливается с полной безусловностью (это год гибели Леонида), вторая же вычисляется на основании того, что, по свидетельству Диодора, сменивший Плистарха на престоле Плистоанакт царствовал 50 лет³⁹ и умер в 408 г. до н.э. (Diod. XIII. 75. 1). При этом, как указывает Павсаний (периегет), Плистарх скончался молодым, буквально вскоре после того, как, достигнув совершеннолетия, освободился от необходимости регентства⁴⁰ и реально получил власть. Выходит, что в 480 г. до н.э., в момент возведения на трон, он был, скорее всего, грудным младенцем. Иными словами, к достижению семилетнего возраста, когда для всех спартиатов, кроме престолонаследников, начиналась *ἀγωγή*, Плистарх был даже уже не престолонаследником, а царем, то есть, разумеется, никакой *ἀγωγή* заведомо не подлежал⁴¹. Сказалось ли это как-то на его характере и деятельности, мы не знаем и знать не можем именно потому, что судьба отпустила ему такой короткий жизненный путь, за время которого он вообще ничего не успел предпринять. Видимо, юноша был болезненным; не оставил он также и потомства, во всяком случае, мужского.

Последнее ясно из того, что наследовал Плистарху представитель боковой ветви Агиадов — вышеупомянутый Плистоанакт, сын регента Павсания. Положение Плистоанакта по отношению к курсу *ἀγωγή* предстает особенно своеобразным. Из всего вытекает, что он этот курс (продолжавшийся, подчеркнем, с семилетнего возраста до достижения совершеннолетия) начал, но не окончил. И действительно, в цари он не предназначался (никто не мог предугадать, что у Плистарха не будет прямого наследника) и, стало быть, подлежал *ἀγωγή*. С другой стороны, царский сан он получил, будучи несовершеннолетним. Год спустя после этого, в 457 г. до н.э., от Агиадов еще правил регент — Никомед (Thuc. I. 107. 2). Но как только Плистоанакт стал царем, ни о каком продолжении *ἀγωγή* для него, разумеется, не могло быть и речи.

---

³⁹ С большим перерывом (о чем будет сказано ниже), о котором Диодор не упоминает.

⁴⁰ После Клеомброта и Павсания за Плистарха должен был править еще какое-то время третий регент. Таковым с наибольшей вероятностью являлся брат Павсания Никомед, о котором применительно к более поздним событиям известно из Фукидида (Thuc. I. 107. 2).

⁴¹ Madson (2025). P. 66.

Таким образом, он ни ἀγωγή не прошел полностью, ни специального «царского» образования не получил, поскольку в царя его не готовили. Коснемся в данной связи вопроса о том, какими личными чертами отличался этот долго живший человек. Бросается в глаза, что за ним вообще не числится военных подвигов (крайне редкий случай среди спартанских царей), и, напротив, все говорит о нем как о совершенно не воинственном человеке. В последний год так называемой Малой Пелопоннесской войны 459–446 гг. до н.э. Плистоанакт во главе сильной армии вторгся в Аттику, но никаких успехов в ходе этой экспедиции не добился и вообще действовал крайне нерешительно: продвинулся только до Элевсина и сразу же увел свои силы обратно (Thuc. II. 21. 1). Это вызвало в Спарте взрыв негодования, и царь фактически был подвергнут изгнанию: (Plut. *Pericl.* 22: «...спартанцы наложили на царя большой денежный штраф, которого он не мог уплатить, а потому добровольно удалился из Спарты»⁴²).

Изгнание продолжалось 19 лет; Плистоанакт проводил его в Аркадии, а в 427 г. до н.э. его восстановили на престоле благодаря неоднократным ходатайствам дельфийского жречества в его пользу, сопровождавшимся аргументацией религиозного плана (Thuc. V. 16. 2–3). Возвратившись, он тут же стал в Спарте главным миротворцем. Фукидид, рассказывая о подписании мирного договора 421 г. до н.э., завершившего первый период Пелопоннесской войны, подчеркивает (Thuc. V. 16. 1), что во всей Греции два человека приложили больше всего усилий для заключения мира — афинский полководец Никий (потому и договор этот вошел в историю как «Никиев мир», εἰρήνη Νικίειος, Plut. Nic. 9) и Плистоанакт: именно его имя значится первым среди тех лиц со спартанской стороны, которые поставили свои подписи под документом (Thuc. V. 19).

Плистоанакту наследовал его сын Павсаний (не следует путать его с регентом того же имени), ἀγωγή не подлежавший как заведомый престолонаследник⁴³. Павсаний являлся, безусловно, самым интеллектуальным из всех спартанских царей, когда-либо занимавших престол. И, кажется, единственным из них, кто занимался литературной деятельностью: по свидетельству Страбона (Strab. VIII.

⁴² «Перикл» Плутарха цитируется в переводе С.И. Соболевского.

⁴³ Кажется, он был единственным сыном Плистоанакта. Ни о каких других не известно; генеалогическое древо см.: Madson (2025). P. 66.

366), он написал некое сочинение, посвященное законам Ликурга. Сделал он это (несомненно, в полемических целях) в конце жизни, после того как его постигло изгнание (которое он, как и его отец, проводил в Аркадии: Xen. *Hell.* III. 5. 25).

Обычно мы имеем информацию о деятельности того или иного спартанского царя, а не о его личности, человеческих качествах (сказанное относится не только к царям, но и к большинству остальных спартиатов). Павсаний — счастливое исключение. Сейчас будет процитирована описанная оратором Лисием красочная и трогательная сцена встречи Павсания с детьми жертв репрессий афинского крайне-олигархического режима Тридцати⁴⁴. Но вначале разьясим контекст этого эпизода. После завершения Пелопоннесской войны капитуляцией Афин в 404 г. до н.э. коллегия Тридцати привел в них к власти (чисто диктаторскими методами) знаменитый спартанский полководец Лисандр. Когда в следующем году армия Тридцати потерпела поражение в гражданской войне от сил демократической оппозиции, возглавлявшихся Фрасибулом, коллегия была отстранена от власти и вынужденно удалась в Элевсин (Xen. *Hell.* II. 4. 24).

Оттуда эти олигархи обратились в Спарту за военной помощью против Фрасибула (Xen. *Hell.* II. 4. 28). Продолжавший активно поддерживать их Лисандр взял на себя руководство экспедицией против мятежных демократов и прибыл в Элевсин (Xen. *Hell.* II. 4. 29). Однако неприкрытая поддержка столь одиозного режима вызвала недовольство части спартиатской элиты во главе с Павсанием. Последний, заручившись поддержкой большинства эфоров, организовал и возглавил альтернативный поход в Аттику (Xen. *Hell.* II. 4. 30), целью которого было не подавление сторонников демократии, а примирение враждующих сторон в афинской смуте (Xen. *Hell.* II. 4. 31): здравым силам в Спарте были нужны не только лояльные, но и стабильные, а не раздираемые конфликтом Афины.

К этому моменту и относится рассказ Лисия (Lys. XVIII. 10–12). В нем фигурируют родственники Никия — знаменитого афинского полководца, погибшего в 413 г. до н.э. При Тридцати были

---

⁴⁴ О репрессиях Тридцати см.: Wolpert (2006). Именно из-за них этот режим вошел в историю как «Тридцать тиранов». Выражение это, впрочем, появилось несколько позже. Как считается, его первым употребил историк IV в. до н.э. Эфор: Rhodes (2000). P. 135.

казнены сын Никия Никерат и брат Евкрат. Рассказ ведется от лица одного из сыновей последнего:

«...Как только в Академию пришли спартанцы с Павсанием, он (Диогнет, еще один брат Никия, при Тридцати бежавший из Афин и тем спасшийся от смерти. — *И. С.*) взял Никератова сына и нас, бывших еще детьми, Никератова сына положил на колени Павсанию, а нас поставил около него и стал рассказывать ему и другим, бывшим там, сколько несчастий мы пережили и какие превратности судьбы испытали, и просил Павсания ради дружбы и гостеприимства помочь нам и отомстить нашим злодеям. Вследствие этого Павсаний стал относиться благосклонно к народу и указывал другим спартанцам на наши несчастия как на пример преступной деятельности коллегии Тридцати; тогда всем пришедшим с ним пелопоннесцам стало ясно, что они казнили не самых дурных граждан, а таких, которые имели полное право на уважение как по своему происхождению и богатству, так и вообще по своим высоким нравственным качествам. Все так жалели нас и считали наши несчастия столь ужасными, что Павсаний отказался принять подарки от коллегии Тридцати, а от нас принял»⁴⁵.

В свое время мы дали следующий комментарий к этому эпизоду⁴⁶ (под которым и ныне в полной мере подписались бы): «Когда читаешь такое, поневоле закрадывается мысль, что, возможно, на позицию Павсания в “афинском вопросе” повлияли не только внутриполитические соображения — желание воспрепятствовать нарастающему влиянию Лисандра, — но и действительно чисто человеческое, сентиментальное чувство сочувствия к пострадавшим. Как известно, наследники лакедемонских престолов не подлежали традиционной спартиатской *ἀγωγή* и, соответственно, не превращались в бесчувственных солдафонов».

В отличие от достаточно мягкого Павсания, подчеркнутой грубостью, делавшей его порой просто невыносимым, отличался как раз Лисандр (Plut. *Lysand.* 19). Не случайно между Павсанием и Лисандром всегда существовала напряженность в отношениях, доходившая до прямой враждебности⁴⁷. Кстати, выше мы упомянули

⁴⁵ Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

⁴⁶ Суриков (2015). С. 73–74.

⁴⁷ Об отношениях между Павсанием и Лисандром см.: Печатнова (2007). С. 264.

о полемическом сочинении, написанном Павсанием. В плане сопоставления небезынтересно то, что Лисандр, в конце своей жизни замышлявший в Спарте радикальную реформу государственного устройства, в результате которой он сам должен был получить царскую власть⁴⁸, тоже озаботился созданием полемического сочинения, служившего цели обоснования этой реформы. И в высшей степени характерно, что он не писал это сочинение лично, а препоручил работу известному ритору и историку Клеону Галикарнасскому (Plut. *Lysand.* 25). Видимо, понимал, что самому ему создать что-то подобное совершенно не под силу⁴⁹.

Два сына Павсания один из другим занимали агиадский престол — вначале Агесиполид I (395–380 гг. до н.э.), а потом Клеомброт I (380–371 гг. до н.э.). Из этого следует, что старшим был Агесиполид; соответственно, он как престолонаследник был освобожден от ἀγωγή. Этого царя можно охарактеризовать как весьма способного военачальника. Он с успехом командовал спартанским войском в войнах против Аргоса в 388 г. до н.э. (Xen. *Hell.* IV. 7. 2–7), против Мантиней в 385 г. до н.э. (Xen. *Hell.* V. 2. 3–6), против Олинфа в 381 г. до н.э. (Xen. *Hell.* V. 3. 18). В ходе последней из этих войн он, однако, скончался от болезни (Xen. *Hell.* V. 3. 19), не оставив мужского потомства.

Сменивший его на троне младший брат Клеомброт, прошедший курс ἀγωγή, напротив, на полях сражений оказался откровенным неудачником. В 378 г. до н.э. (у Спарты была тогда война с Фивами) он вторгся в Беотию, но действовал чрезвычайно вяло и, ничего не добившись, отступил обратно на Пелопоннес (Xen. *Hell.* V. 4. 15), так что «воины сильно недоумевали, что у них с Фивами — война или мир» (στρατιώτας καὶ μάλα ἀποροῦντας πότερά ποτε πόλεμος πρὸς Θηβαίους ἢ εἰρήνη εἶη, Xen. *Hell.* V. 4. 16). В 376 г. до н.э. ему снова было поручено руководство боевыми действиями против фиванцев, и он проявил себя таким же кунктатором (Xen. *Hell.* V. 4. 59). Советники уже стали намекать ему, что в случае нового проявления пассивности он, скорее всего, на родине будет обвинен в измене и сурово наказан (Xen. *Hell.* VI. 4. 4–5).

---

⁴⁸ Видимо, именно вместо Павсания. См.: Суриков (2015). С. 100.

⁴⁹ Образованием Лисандра была ἀγωγή. Он имел знатное происхождение, но ни к Агиадам, ни к Еврипонтидам не принадлежал (Plut. *Lysand.* 2).

Наказал, однако, Клеомброт себя сам. Именно он возглавлял спартанцев в той битве, которая оказалась для них воистину роковой, принеся им самое страшное поражение в их истории и лишив их гегемонии в Греции, — в битве при Левктрах 371 г. до н.э. В этом сражении пал и он сам (точнее, был смертельно ранен и вскоре скончался, *Xen. Hell.* VI. 4. 13). Клеомброт действовал как рутинер, совершенно традиционным образом, и был по всем статьям переигран командующим фиванцев — гениальным Эпаминондом (получившим, кстати, прекрасное философское образование у подвизавшихся в Фивах пифагорейцев), который применил новаторскую тактику «косога клина налево»⁵⁰.

Из источников известны два сына Клеомброта, которые тоже были царями, — Агесиполид II, старший, и Клеомен II, младший. Исходя из общей нормы, Л. Мэдсон считает, что второй из них прошел ἀγωγή, первый же получил «царское образование». Что касается Агесиполида, у нас в этом полной уверенности нет: его отцом был человек, в цари не предназначавшийся, и, соответственно, сам он в детстве не должен был рассматриваться как потенциальный престолонаследник. Скорее всего, семь лет ему исполнилось еще до того, как в 380 г. до н.э. началось царствование Клеомброта, и, значит, он должен был по крайней мере начать курс ἀγωγή.

Впрочем, сам Агесиполид II царствовал лишь один год (371–370 гг. до н.э.) и ровно ничего не совершил. Сменивший его Клеомен II (заведомо подлежащий ἀγωγή) царствовал, как упоминалось выше, 61 год и, что поразительно, тоже ровно ничего не совершил. Дальше проследить историю Агиадов мы не будем (хронологические рамки статьи во избежание разрастания ее объема ограничены доэллинистическим временем) и обратимся в том же ракурсе к Еврипонтидам.

Из них выше был упомянут Демарат (безусловно, получивший «царское» воспитание), на котором пресеклась основная линия династии, после того как он около 491 г. до н.э. был объявлен незаконнорожденным (не сыном предыдущего царя Аристонa) и лишен сана (подробный рассказ см.: *Herod.* VI. 61–67). После этого он еще некоторое время оставался в Спарте и даже занимал какую-то дру-

⁵⁰ О действиях Эпаминонда при Левктрах см.: Buckler (2013). О философских основах его тактики см.: Видаль-Накэ (2001). С. 91–112.

гую (то есть заведомо более низкую) должность, будучи избран на нее (ἦρχε αἰρεθείς ἀρχήν, Herod. VI. 67), но потом не снес своего двусмысленного положения и бежал в Персию, ко двору царя Дария I. При Дарии, а потом и при его преемнике Ксерксе он был чем-то вроде советника по эллинским делам, а Ксеркса даже сопровождал в его походе на Грецию в 480 г. до н.э. Таким образом, в глазах соплеменников он, безусловно, должен был оказаться изменником.

Тем не менее Геродот находит для Демарата добрые слова: «он прославился среди лакедемонян многими подвигами, великим благородием (ἄλλα τε Λακεδαιμονίοισι συχρῶ ἐργοῖσι τε καὶ γνῶμησι ἀπολαμπρυνθείς)...» (Herod. VI. 70). Да и в целом в сочинении галикарнасского историка этот царь представлен скорее в позитивном свете. К удалению в Азию подвигло его несправедливое низложение, вызванное интригами недоброжелателей. А уже оказавшись при персидском дворе, он становится своего рода рупором ряда программных для Геродота идей о греках (особенно спартанцах) и их ценностях. Например, вот что он говорит Ксерксу, уже начавшему вторжение в Европу:

«Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании (δеспωσύνην). Я воздаю, конечно, хвалу всем эллинам, живущим в дорийских областях. Однако то, что я хочу теперь тебе поведать, относится не ко всем им, но только к лакедемонянам. Прежде всего они никогда не примут твоих условий, которые несут Элладе рабство (δουλοσύνην). Затем они будут сражаться с тобой, даже если все прочие эллины перейдут на твою сторону. Что же до их численности, то не спрашивай, сколько у них боеспособных воинов. Ведь если их выйдет в поход только тысяча или около того, то все равно они будут сражаться!» (Herod. VI. 102). «...В единоборстве они сражаются столь же храбро, как и другие народы, все вместе в бою они доблестней всех на свете. Правда, они свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка — это закон (ἔλεστι γάρ σφι δеспότης νόμος), которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (Herod. VI. 104).

Это, так сказать, *locus classicus* о спартиатах, и в высшей степени показательно, что Геродот вложил его в уста ахеменидского придворного, которым на тот момент стал Демарат (последний, между прочим, оговаривает, что ему совершенно не за что льстить своим бывшим согражданам, доведшим его до изгнания). И в дальнейшем отец истории заставляет экс-царя снова и снова проводить перед Ксерксом ту же линию: «Эти люди пришли сюда с нами⁵¹ за этот проход, и они готовятся к битве. Таков у них обычай: всякий раз, как они идут на смертный бой, они украшают себе головы. Знай же, царь, если ты одолеешь этих людей и тех, кто остался в Спарте, то уже ни один народ на свете не дерзнет поднять на тебя руку. Ныне ты идешь войной на самый прославленный царский род и на самых доблестных мужей в Элладе» (Herod. VI. 209).

Это сказано перед штурмом Фермопил. А вот что — после штурма, когда Ксеркс, ошеломленный доблестью защитников прохода, осведомляется у Демарата, много ли еще осталось таких храбрецов: «Царь! Число лакедемонян велико, и городов у них много. А то, что ты желаешь узнать, узнаешь. Есть в Лаконике город Спарта, и в нем около 8000 мужей. Все они так же доблестны, как и те, что здесь сражались. Остальные лакедемоняне, правда, не такие, как эти, но все же — храбрые мужи (τούτοισι μὲν οὐκ ὄμοιοι, ἀγαθοὶ δέ)⁵²» (Herod. VI. 234).

Спартанцы, согласно Геродоту, будто бы даже именно от Демарата получили тайное известие о подготовке Ксеркса к походу (Herod. VII. 239). С другой стороны, у того же Геродота Демарат оказывается злостным врагом Спарты, подающим владыке персов воистину полезный совет о том, как сокрушить ее. Он рекомендует сделать базой ахеменидского флота остров Киферы у южного побережья Лаконики (Herod. VII. 235). Как намекает далее отец истории, персидский флот в конечном счете постигла неудача именно потому, что он был размещен Ксерксом, не последовавшим этому совету, в Аттике. Это повлекло за собой череду событий, завершившихся роковой для агрессоров Саламинской битвой. Итак, Демарат

⁵¹ Обратим внимание на это «с нами» (ἡμῖν). Получается, Демарат уже ассоциирует себя с персами.

⁵² Имеются в виду спартанские перизки, отличающиеся Демаратом от спартиатов-гомеев: Mertens (2002).

обрисован у Геродота как фигура противоречивая, но, во всяком случае, как человек высокого интеллекта.

После низложения Демарата престол Еврипонтидов занимали уже цари, принадлежавшие к боковой линии этой династии. Первым из них был Леотихид II; собственно, именно он хитроумными интригами добился устранения Демарата, своего дальнего родственника. Из сказанного ясно, что сам Леотихид курс ἀγωγή прошел. В дальнейшем он командовал в 479 г. до н.э. флотом Эллинского союза в известной битве при Микале⁵³. Впрочем, не похоже, чтобы он лично внес значительный вклад в победу в этом сражении, где «особенно отличились афиняне... После же афинян больше всего отличились коринфяне, трезенцы и сикионцы» (Herod. IX. 105). Спартанцы, как видим, в числе отличившихся даже не упоминаются. А афинский контингент, который Геродот особо выделяет, возглавлялся, между прочим, виднейшим полководцем Ксантиппом, отцом Перикла⁵⁴.

Леотихид же несколько лет спустя совершил поступок, недостойный спартанского царя: руководивший в 476 г. до н.э. военным походом в Фессалию, он был уличен в получении крупной взятки. Его «застали на месте преступления: он сидел в своем собственном стане на мешке, полном денег⁵⁵» (Herod. VI. 72). На родине он был привлечен к суду, но не явился на него и бежал из Спарты в Аркадию, где затем скончался.

В данной связи можем сказать, что иногда видных спартиатов ловили на взяточничестве. Среди таковых можно назвать Клеандрида (Plut. *Pericl.* 22), Гилиппа (Plut. *Lysand.* 16), Форака (Plut. *Lysand.* 19) и др. Но чтобы в таком был замешан царь?! Кажется, в данном отношении Леотихид являет собой уникальный случай (по крайней мере, для доэллинистического времени), и тут нельзя не вспомнить о том, что он получил не «царское», а ординарное (ἀγωγή) воспитание.

---

⁵³ Образцовый анализ битвы при Микале см.: Kambouris (2022). P. 201–234.

⁵⁴ О вкладе Ксантиппа в победу в этом сражении см.: Суриков (2021). С. 282.

⁵⁵ Здесь мы были вынуждены внести поправку в перевод Стратановского, где стоит «...полном золота». В оригинале — πλέη ἀργυρίου. Ἀργύριον — это не золотые, а серебряные деньги.

Леотихид II имел сына Зевксидама, который, однако, скончался раньше него самого и, соответственно, никогда не правил. На Зевксидаме, может быть, и останавливаться не следовало бы, но мы все-таки сделаем это, поскольку именно в связи с ним Л. Мэдсон, к чьей работе мы постоянно апеллируем, допустил наиболее серьезную ошибку, которая обязательно должна быть исправлена. Он посчитал, что Зевксидам, будучи престолонаследником, не получил ἀγῳυή, а при этом и царем не стал. По мнению Мэдсона, за это он был презираем спартиатами и получил от них прозвище Киниск (о чем сообщает Геродот: Herod. VI. 71), которое может быть понято как «Щенок». Исследователь считает это прозвище обидным⁵⁶.

Однако он не учел, что Зевксидам стал престолонаследником (в 491 г. до н.э., когда его отец воцарился) в уже взрослом возрасте. Это с легкостью вычисляется из следующего. Сын Зевксидама Архидам (о нем еще пойдет речь в дальнейшем), по свидетельству Геродота, первый раз женился еще в царствование своего деда (Леотихида), хотя уже после смерти отца. Иными словами, этот брак приходится на время до 476 г. до н.э. Стало быть, тогда он являлся уже как минимум совершеннолетним, коль скоро имел законное право вступить в брак, и, таким образом, должен был родиться никак не позднее 494 г. до н.э. (а скорее, даже несколько раньше, поскольку браки мужчин в очень юном возрасте в античной Греции были крайне редки). Что же получается? Зевксидам занял положение наследника престола, уже имея сына. Образование же он получил заведомо до того, и образованием этим могло быть только ἀγῳυή и ничто иное.

Не согласны мы и с утверждением Мэдсона, что прозвище Киниск имело негативный оттенок. В ономастиконе Еврипонтидов зафиксировано имя (подчеркнем, официальное имя, а не прозвище) Киниска: так звали дочь Архидама, внучку Зевксидама (Paus. III. 8. 1). Не нуждается в доказательстве утверждение, что *Киниск* и *Киниска* — два варианта, мужской и женский, одной и той же ономастической единицы. Если бы в ней звучал хотя бы какой-нибудь негатив, она не использовалась бы в имянаречении. Никто не назовет своего ребенка таким словом, которое может быть воспринято как бранная кличка.

---

⁵⁶ Madson (2025). P. 61.

Переходим теперь к самому Архидаму II, который был провозглашен царем либо сразу после изгнания Леотихида II в 376 г. до н.э., либо после того, как тот скончался в Аркадии в 469 г. до н.э.⁵⁷, и находился на престоле вплоть до своей смерти в 427/426 г. до н.э. В его честь, как известно, первый период Пелопоннесской войны (431–421 гг. до н.э.) был назван Архидамовой войной⁵⁸, потому что в ее начале он выступал в роли главнокомандующего вооруженными силами Пелопоннесского союза и, в частности, несколько раз вторгнулся с сухопутной армией в Аттику. Касательно Архидаму можно заключить с большей степенью уверенности, что он получил не ἀγωγή, а «царское» воспитание.

В силу состояния источниковой базы в наших знаниях о биографии Архидаму II имеются большие пробелы; в частности, о нескольких десятилетиях его жизни (между 460-ми и концом 430-х гг. до н.э.) мы не имеем вообще никакой информации. Что полезного можно извлечь из тех немногих данных, которыми мы располагаем? Во-первых, в начале 460-х гг. до н.э. Архидам, молодой еще человек, в момент, когда на Спарту обрушилось катастрофическое землетрясение и одновременно, воспользовавшись этим, восстали илоты⁵⁹, не растерялся, проявил находчивость и смекалку, одним словом, спас сограждан (подробности см.: Diod. XI. 63–64; Plut. *Cim.* 16). Во-вторых, в «Истории» Фукидида есть программный текст — речь на конгрессе Пелопоннесского союза в 432 г. до н.э. (на котором решался вопрос о том, начинать ли войну с Афинами), дающая представление об особенностях личности и взглядов этого деятеля, ярко рисующая его типичным спартиатом, верным устоям «Ликургова космоса» (Thuc. I. 80–85).

По содержанию речь отличается дальновидностью, по форме — тонкостью аргументации, а по объему — большой пространственностью. В целом она резко выбивается из ряда тех речей, которые произносят у Фукидида спартиаты. Последние были отнюдь не ма-

---

⁵⁷ Welwei (1996). Sp. 991.

⁵⁸ Это произошло уже в античности. По свидетельству лексикографа Гарпократиона (Нагрост. s.v. Ἀρχιδάμειος πόλεμος), первым формулировку «Архидамова война» употребил Лисий в (не сохранившейся) речи «Против Андротиона».

⁵⁹ Хронологию событий см.: Vadian (1993). P. 100.

стера красно говорить, в чем сам историк отдавал себе отчет (ср. Thuc. IV. 84. 2) и прекрасно отражал эту их особенность. Так, прозвучавшее в ответ на речь Архидам выступление эфора Сфенелаида (Thuc. I. 86) во всех отношениях являет контраст с ней. Оно предельно кратко, практически лишено рациональных аргументов, построено на эмоциях. Завершается эта ура-патриотическая тирада бодрым возгласом: «Итак, с помощью богов пойдем на обидчиков (ἀλλὰ ξὺν τοῖς θεοῖς ἐπιώμεν ἐπὶ τοὺς ἀδικοῦντας)!».

Всем дальнейшим изложением Фукидид делает ясным, что прав оказался не Сфенелаид с его «шапкозакидательскими» настроениями, а умудренный опытом Архидам, предрекавший, что предстоящее столкновение не будет легкой прогулкой, что нужно настраиваться на долгую, изнурительную войну, по поводу которой он, в частности, делает следующий прогноз: «...Я опасюсь, как бы эта война не осталась в наследство нашим детям». Во всяком случае, применительно к самому себе царь угадал будущее безошибочно: заканчивал Пелопоннесскую войну его сын Агид II. Перед тем как перейти к нему и дальнейшим персонажам, констатируем: можно со значительной долей уверенности сказать, что цари, воспитывавшиеся не в рамках ἀγωγή, а по-своему, значительно лучше владели искусством слова, чем те спартанцы, уделом которых была ἀγωγή (собственно, этого можно было бы ожидать). Возможно, им прививались некие начала ораторского искусства.

Царствование Агида II (426–400 гг. до н.э.) без остатка было заполнено войнами. Как только окончилась Пелопоннесская, началась новая — с Элидой⁶⁰, а по завершении этой последней Агид практически сразу скончался (Xen. *Hell.* III. 3. 1). Время было такое, что ему не довелось иметь никаких иных заслуг, кроме полководческих (зато они были весьма значительны).

В семье Агида и его супруги Тимеи воспитывался сын Леотихид. Однако, по всеобщему убеждению, его настоящим отцом был не Агид, а известный афинский полководец и политик Алкивиад, который в 415–413 гг. до н.э., будучи приговорен на родине к смертной казни, проживал в Спарте и вступил в любовную связь с Тимеей (Plut. *Lysand.* 22). Поэтому после смерти Агида в Спарте разразился династический кризис, и в конечном счете разрешение

⁶⁰ Poralla (1913). S. 12.

вопроса о наследовании было предоставлено народному собранию, которое сделало выбор в пользу не Леотихида, а Агесилая, младшего брата только что скончавшегося царя.

Спартанское народное собрание вмешивалось в такие дела крайне редко (выше нам встречался только один случай такого рода, связанный с детьми Анаксандрида) — только тогда, когда ситуация спорной. На сей раз спорность заключалась в следующем: Агид долгое время не признавал свое отцовство по отношению к Леотихиду, но во время его предсмертной болезни юноша (еще несовершеннолетний на тот момент) слезными мольбами добился того, что царь публично объявил его своим законным сыном (Plut. *Agesil.* 3). Получается, только с этого момента он стал потенциальным престолонаследником, а до того не являлся таковым. И, следовательно, воспитывался как обычный спартиат; поэтому вряд ли прав Л. Мэдсон, считающий, что Леотихид был освобожден от ἀγωγή⁶¹.

Как бы то ни было, этот человек никогда не царствовал. Что же касается Агесилая II — тут перед нами тот редкий случай, когда не приходится прибегать к гипотезам и догадкам, случай бесспорный, ввиду наличия прямого свидетельства источника (Плутарха, соответствующий пассаж которого цитировался в начале статьи) о том, что он прошел курс ἀγωγή. И в то же время это тот особый случай, который выделяется из ряда остальных и не может служить основанием для каких-либо обобщений, поскольку в лице Агесилая царем Спарты оказался — первый и единственный раз в ее истории — гениальный человек. Только по отношению к этому царю употреблялся эпитет «Великий» (ὁ Μέγας, Plut. *Mor.* 208b), да и в целом, кажется, до Александра III Македонского этого эпитета никто, кроме Агесилая, не удостоивался⁶². Ну, а к гению общие мерки непри-

---

⁶¹ Madson (2025). P. 62.

⁶² Однажды автору этих строк, когда он читал открытую лекцию об Агесилае II, один из слушателей задал вопрос: «На чем, собственно, основано это представление о его величии как полководца, да и правомерно ли оно? Ведь парадоксальным образом именно в его царствование Спарта была сброшена с пьедестала общегреческого гегемона, на который вознесла ее победа в Пелопоннесской войне, да и в целом была ввергнута в жестокий кризис». Наш ответ был тогда следующим. Как минимум три заслуги Агесилая дают ему право числиться среди великих полководцев. Во-первых, его

менимы, и бессмысленно рассуждать о том, по какой системе он воспитывался.

Касательно сына и преемника Агесилая — Архидама III (царствовал в 360–338 г. до н.э.) — ясности по рассматриваемому вопросу нет, что справедливо констатирует и Л. Мэдсон⁶³. Дело в том, что нам неизвестно даже приблизительно время рождения этого царя. Отец его Агесилай принял царский сан в 400 г. до н.э., уже перешагнув рубеж сорокалетия⁶⁴. Иными словами, теоретически он

действия в 396–394 г. до н.э. на западе Малой Азии в ходе спартано-персидской войны. Он тогда, командуя очень небольшой армией, буквально превратил в ад жизнь двух располагавших огромными силами сатрапов, Фарнабаза и Тиссаферна (последний из-за своих неудач был даже казнен по приказу царя Артаксеркса II, Xen. *Hell.* III. 4. 25), и был уже твердо намерен двигаться в центральные области Ахеменидской державы (Plut. *Agasil.* 15), то есть сделать то, что много десятилетий спустя сделал Александр III. Не осуществил он этот поход, как известно, потому что был отозван на родину из-за начала Коринфской войны. Ко времени этого вооруженного конфликта относится вторая заслуга Агесилая — его победа в битве при Коронее (394 г. до н.э.) над силами антиспартанской коалиции. Последние тогда хорошо подготовились, ожидая в Беотии противника, который следовал из Азии на Пелопоннес и никак не мог миновать столкновения с ними. Они имели возможность и выбрать выгодную для себя позицию, и хорошо отдохнуть. Агесилай же принял бой после длительного, нелегкого перехода, который к тому же на своем последнем этапе, в Фессалии, сопровождался постоянными атаками неприятеля (о битве при Нарфакии см.: Olbrycht [2020]). Нужно еще учитывать, кто сражался под его началом: в основном приведенные им с востока воины из малоазийских греческих полисов, чей низкий боевой потенциал был всем известен. Противостояли же им контингенты из Беотийского союза, Афин, Аргоса, Коринфа — сильнейших и прославленных держав Эллады. И тем не менее Агесилай нанес им тяжелое поражение. Наконец, о третьем его деянии, — наверное, самом экстраординарном. Когда после битвы при Левктрах беотийцы начали совершать походы на Пелопоннес, они дважды пытались взять саму Спарту; оба раза их войско возглавлял другой гений — Эпаминонд. К тому же его задача сильно облегчалась отсутствием у Спарты оборонительных стен. Оба раза, однако, город удалось отстоять (если вдуматься, это было просто чудо), и оба же раза это сделал лично Агесилай, хотя и был уже в преклонных годах.

⁶³ Madson (2025). P. 64.

⁶⁴ Время рождения Агесилая II — 444 г. до н. э. — устанавливается на

мог иметь к этому моменту не только сына, но даже и взрослого сына. А мог и не иметь. Соответственно, имеются три возможности, любая из которых имеет шансы соответствовать действительности. Если Архидам родился в 406 г. до н.э. или позже, то с семилетнего возраста он сразу стал получать «царское» воспитание. Если он родился на хронологическом отрезке 418–407 гг. до н.э., то у него начался курс ἀγωγή, но в определенный момент — а именно тогда, когда он стал наследником престола, — был прерван. Наконец, если он родился ранее 418 г. до н.э. и, соответственно, достиг совершеннолетия ранее воцарения своего отца, то курс ἀγωγή им был пройден⁶⁵. Спорный случай лучше оставить за пределами рассмотрения⁶⁶.

Наконец, о сыне Архидама Агиде III, царствовавшем в 338–331 гг. до н.э., а престолонаследником являвшемся с самого рождения (со всеми вытекающими последствиями для его образования), почти ничего нельзя сказать как о личности в силу недостатка данных. Что касается его деятельности, развертывавшейся на рубеже эпох классики и эллинизма, ее направленность хорошо известна: когда Александр Великий вел военные действия против Дария III на востоке, Агид вступил в сношения с персами, стал их союзником в греческом тылу, поднял антимакедонское восстание и погиб в битве с Антипатром при Мегалополе⁶⁷.

основании сообщения Плутарха о его смерти в 360 г. до н.э. в возрасте 84 лет (Plut. *Agesil.* 40).

⁶⁵ Последняя из трех возможностей куда менее вероятна, чем первые две. В 338 г. до н.э. Архидам III был не только жив, но и активен (он действовал тогда в Италии, где помогал спартанской колонии Таренту против луканов, и погиб в одном из сражений: Diod. XVI. 63. 1), а следовательно, вряд ли был глубоким стариком в возрасте за восемьдесят.

⁶⁶ Может быть, имеет смысл только упомянуть общую оценку, данную Архидаму Диодором при сообщении о его смерти: в целом это был человек достойный, но однажды все-таки запятнал себя, поспособствовав тому, что фокидяне святотатственно захватили Дельфийское святилище (речь идет о событиях Третьей Священной войны 356–346 гг. до н.э.). Поступок действительно не очень характерный для спартиатов, которые отличались своей набожностью, а особенно чтили именно Дельфы, но при этом такой, какой вполне мог совершить, скажем, Клеомен I.

⁶⁷ Poralla (1913). S. 13.

Настало время подводить итоги, которые — это следует сразу оговорить — неизбежно будут гипотетичными и в чем-то субъективными. При сравнении спартанских царей, освобожденных от ἀγωγή и, следовательно, получивших некое особое воспитание, с теми, кто воспитывался в рамках ἀγωγή (как царями, так и остальными гражданами Спарты), в целом складывается впечатление, что эти цари в целом (если выводить за скобки отклонения, особые случаи, которые неизбежны) выделялись следующими качествами: более нетрадиционным и креативным, чем у остальных, мышлением, более широкой эрудицией, лучше развитой речью, большей деликатностью в манерах, в общении с окружающими. Они, как правило, предстают перед нами более яркими личностями и, во всяком случае, более интеллектуальными. В данном плане их действительно можно назвать «воспитанными героями».

Материал поступил в редакцию 10.01.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
27.02.2026.*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Badian, E. (1993) *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Barello, A. (1996) “Il processo di Cleomene e la crisi dinastica di Sparta”, *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)*, 22, 19–27.
- Berve, H. (1967) *Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung*. München: Beck.
- Blois, L. de (2006) “Plutarch’s Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account?”, in J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois, eds. *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston: Brill, 429–440.
- Bradford, A.S. (2011) *Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom*. Santa Barbara: ABC-CLIO.
- Buckler, J. (2013) “Epaminondas at Leuctra, 371 B.C.”, in B. Campbell, L.A. Tritle, eds. *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 657–670.
- Clauss, M. (1983) *Sparta: Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation*. München: Beck, 1983.
- Currie, B. (2010) *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford: Oxford Univ. Press.

- Forrest, W.G. (1966) *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C.* London: Weidenfeld & Nicolson.
- Georges, P. (1994) *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon.* Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Griffiths, A. (1989) “Was Kleomenes Mad?”, in A. Powell, ed. *Classical Sparta: Techniques behind her Success.* London: Routledge, 51–78.
- Hall, E. (1991) *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy.* Oxford: Clarendon Press.
- Harvey, D. (1979) “Leonidas the Regicide? Speculations on the Death of Kleomenes I”, in G.W. Bowersock, W. Burkert, M.C.J. Putnam, eds. *Arktouros: Hellenic Studies Presented to Bernard M.W. Knox on the Occasion of his 65th Birthday.* Berlin; New York: De Gruyter, 253–260.
- Jones, A.H.M. (1967) “The Lycurgan Rhetra”, in E. Badian, ed. *Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg on his 75th Birthday.* New York: Barnes & Noble, 165–175.
- Jones, C.P. (2010) *New Heroes in Antiquity: From Achilles to Antinoos.* Cambridge Mass.: Harvard University Press.
- Kambouris, M.E. (2022) *The Greek Victories and the Persian Ebb 480–479 BC: The Battles of Salamis, Plataea, Mycale and after.* Philadelphia, Pen & Sword Books.
- Kennell, N.M. (1995) *The Gymnasium of Virtue: Education & Culture in Ancient Sparta.* Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press.
- Kienast, D. (2003) “Der Hellenenbund von 481 v. Chr.”, *Chiron*, 23, 43–77.
- Lenschau, T. (1938) “König Kleomenes I. von Sparta”, *Klio*, 31, 412–429.
- Lipka, M. (2002) “Notes on the Influence of the Spartan Great Rhetra on Tyrtaeus, Herodotus and Xenophon”, in A. Powell, S. Hodkinson, eds. *Sparta: Beyond the Mirage.* London: Duckworth, 219–225.
- Madson, L. (2025) “Education and Cadet Branches of the Spartan Dyarchy”, *Chiron*, 55, 35–81.
- Malkin, I., Blok, J. (2024) *Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece.* Oxford: Oxford University Press.
- Mertens, N. (2002) “οὐκ ὅμοιοι, ἀγαθοὶ δέ: The *perioikoi* in the Classical Lakedaimonian polis”, in A. Powell, S. Hodkinson, eds. *Sparta: Beyond the Mirage.* London: Duckworth, 285–303.
- Nafissi, M. (2004) “Pausania, il vincitore di Platea”, in C. Bearzot, F. Landucci, eds. *Contro le ‘leggi immutabili’: Gli Spartani fra tradizione e innovazione.* Milano: Vita e Pensiero, 53–90.

- Nafissi, M. (2010) "The Great *Rhetra* (Plut. *Lyc.* 6): A Retrospective and Intentional Construct?", in L. Foxhall, H.-J. Gehrke, N. Luraghi, eds. *Intentional History: Spinning Time in Ancient Greece*. Stuttgart: Steiner, 89–119.
- Olbrycht, M.J. (2020) "Agesilaus' Cavalry Tactics at Narthacion and Coroneia (394 BC)", in R. Kulesza, N. Sekunda, eds. *Studies on Ancient Sparta*. Gdańsk: Gdańsk University Press, 247–253.
- Poralla, P. (1913) *Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Großen*. Breslau: Schenkalowsky.
- Rhodes, P.J. (2000) "Oligarchs in Athens", in R. Brock, S. Hodkinson, eds. *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press, 119–136.
- Robinson, E.W. (1997) *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart: Steiner.
- Shipley, G. (2004) "Lakedaimon", in M.H. Hansen, T.H. Nielsen, eds. *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford: Oxford University Press, 569–598.
- Welwei, K.-W. (1996), "Archidamos [1]" in H. Cancik, H. Schneider, eds. *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike. Bd. 1: A – Ari*. Stuttgart; Weimar: Metzler, 991.
- Wolpert, A. (2006) "The Violence of the Thirty Tyrants", in S. Lewis, ed. *Ancient Tyranny*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 213–223.
- Андреев, Ю.В. (1998) Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетея [Andreev Y.V. Tsena svobody i garmonii: Neskol'ko shtrikhovk portretu grecheskoy tsivilizatsii. SPb.: Aleteya].
- Видадь-Накэ, П. (2001) Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир [Vidal-Naquet, P. (2001) Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire. M.: Ladomir].
- Зайков, А.В. (2000) «Спартанская община одинаковых в аспекте сословной семантики», в: *Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М.Горького*, под ред. Д.А. Редина. Екатеринбург: Волот, 315–321 [Zaykov, A.V. (2000) "Spartanskaya obshchina odinakovykh v aspekte soslovnoy semantiki", v: Волот, 315–321 [Zaykov, A.V. (2000) "Spartanskaya obshchina odinakovykh v aspekte soslovnoy semntiki", v: Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov. Stat'yi i materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu istoricheskogo

- fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo, pod red. D.A. Redina. Ekaterinburg: Volot, 315–321].
- Нахов, И.М. (1982) *Философия киников*. М.: Наука [Nakhov, I.M. (1982) *Filosofiya kinikov*. М.: Nauka].
- Печатнова, Л.Г. (2007) *Спартанские цари*. М.: Эксмо [Pechatnova, L.G. (2007) *Spartanskii tsari*. М.: Eksmo].
- Строгецкий, В.М. (1979) «О датировке битвы при Сепее», *Вестник древней истории*, 4 (150), 108–117 [Strogetskiy, V.M. (1979) “O datirovke bitvy pri Sepee”, *Vestnik drevney istorii*, 4 (150), 108–117].
- Строгецкий, В.М. (1982) «Некоторые особенности внутривосточной борьбы в Спарте в конце VI – начале V в. до н.э. Клеомен и Демарат», *Вестник древней истории*, 1982, 3 (161), 38–49 [Strogetskiy, V.M. (1982) “Nekotorye osobennosti vnutripoliticheskoy bor'by v Sparte v kontse VI – nachale V v. do n.e. Kleomen i Demarat”, *Vestnik drevney istorii*, 3 (161), 38–49].
- Суриков, И.Е. (2005а) «Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э.», в: *Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. II, III*, под ред. Л.А. Андреевой, А.В. Коротаева. М.: Институт Африки РАН, 7–34 [Surikov, I.E. (2005a) “Status versus charisma: sakralizatsiya pravatelya v Gretsii i grecheskom mire I tys. do n.e.”, v: *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy. Ch. II, III*, pod red. L.A. Andreevoy, A.V. Korotaeva. М.: Institut Afriki RAN, 7–34].
- Суриков, И.Е. (2005б) *Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.: Наука [Surikov, I.E. (2005b) *Antichnaya Gretsia: Politiki v kontekste epochi. Arkhaika i rannaya klassika*. М.: Nauka].
- Суриков, И.Е. (2015) *Античная Греция: Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке [Surikov, I.E. (2015) *Antichnaya Gretsia: Politiki v kontekste epochi. Na poroge novogo mira*. М.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke].
- Суриков, И.Е. (2019) «Между ГСОИ и ОМОИОИ: варианты унификации граждан в античной Греции», в: *Феномен унификации в истории*, под ред. Е.Н. Кирилловой. М.: ИВИ РАН, 237–257 [Surikov, I.E. (2019) “Mezhdu GSOI i OMOIOI: varianty unifikatsii grazhdan v antichnoy Gretsii”, v: *Fenomen unifikatsii v istorii*, pod red. E.N. Kirillovoy. М.: IVI RAN, 237–257].
- Суриков, И.Е. (2021) *Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III)*. М.: Издательский Дом ЯСК [Surikov, I.E. (2021) *Antichnaya Gretsia: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III)*. М.: Izdatel'skiy dom YaSK].

HEROES EDUCATED AND UNEDUCATED

SPARTAN KINGS AND ΑΓΩΓΗ

Igor SURIKOV

The key fact known from the sources concerning the upbringing of Spartan kings is the following. All Spartiates, beginning at the age of seven, were subject to the famous *ἀγωγή*, the name given to the long course of education — primarily military, but also civic — distinguished by the extreme severity of the conditions imposed on those undergoing it. An exception, however, was made for heirs to the throne: instead of the *ἀγωγή*, they received a special form of royal education, although no direct evidence survives concerning its precise character. At the same time, it often happened that individuals who had not originally been heirs came to occupy one of the two Spartan thrones for various reasons and had therefore passed through the *ἀγωγή*. The comparison undertaken in this article between the personalities and activities of these two types of kings allows us to suggest, cautiously, that rulers exempted from the *ἀγωγή* generally displayed several distinctive traits: a more unconventional and creative cast of mind than their counterparts, broader erudition, more developed rhetorical abilities, and greater refinement in their manners and dealings with others. As a rule, they appear to us as more vivid personalities and, in any case, as more intellectually inclined figures.